

К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА АЗБУКОВНИКА КАК ЧЕТЬЕГО СБОРНИКА *

В статье рассматривается формирование четьего сборника энциклопедического типа на основе особой редакции Азбуковника и других сочинений, объединенных толковой традицией (по рукописи XVII в. из собрания научной библиотеки Томского государственного университета).

Ключевые слова: Азбуковник, редакция, вопросно-ответные сборники, четий сборник энциклопедического типа.

Азбуковник в исследовательской традиции определяется обычно как памятник древнерусской лексикографии. Между тем, изучение его литературной истории может заинтересовать не только исследователя-языковеда. Ведь источником для составителей Азбуковника служила *книжность нескольких столетий* [Карпов, 1878. С. 193–198; 1975. С. 247–250]. Уже первые лексикографические опыты древнерусских книжников связаны с объяснением непонятных для читателя слов, встречающихся в Священном писании. Развитие же лексикографического жанра на Руси на рубеже XVI–XVII вв. обусловлено теми же процессами, что происходят в это же время и в лексикографии Западной Европы [Алексеев, 1968. С. 46–60].

Большая заслуга в изучении памятника принадлежит Л. С. Ковтун, в фундамен-

тальных трудах которой рассматриваются механизмы возникновения «азбуковников подготовительного этапа», предложена группировка списков азбуковников в XVI–XVII вв., выявлены четыре редакции и опубликован Первый Азбуковник [Ковтун, 1963; 1975; 1989]¹. Второй Азбуковник (далее – Азб-2.) – самый распространенный по количеству известных списков. Как отмечает Л. С. Ковтун, многие рукописи с Азбуковником еще предстоит выявить в ходе археографической работы [1989. С. 125]². Этими факторами, прежде всего, и объясняется еще неполная изученность этой разновидности памятника.

Древнерусский Азбуковник как словарь уже можно рассматривать в качестве собрания, энциклопедического сборника сведений, с алфавитной структурой формирования такого рода сборника. Однако в XVII в.

* Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011)», проект № 2.1.3/12135: «Древнерусский четий сборник как литературный факт (канон и творческие модификации)».

¹ Мы придерживаемся классификации Азбуковника, предложенной Л. С. Ковтун.

² На основе изучения 93 списков Азбуковника различных разновидностей Л. С. Ковтун выдвигает ряд признаков, необходимых при историко-текстологическом изучении памятника: 1) все другие статьи сборника, окружающие словарный свод с азбучным расположением статей; 2) заглавие сборника, если он тематический, и заголовков словарного свода; 3) тип предисловия, предвещающего словарный свод; 4) содержание предисловия к перечню собственных имен и местоположение ономастикона в словаре (в буквенных разделах либо в конце словаря, перед общим перечнем имен); 5) лексикографические и литературные источники словаря; 6) состав и порядок словарных статей (учитывается лишь первая буква слова или также идущая за ней гласная, перебивается ли алфавитный принцип тематическим); 7) характер словарных помет и отсылок, их место в структуре словаря; 8) виды принятых в словаре сокращений и степень их постоянства; 9) характер толкования слов [Ковтун, 1977. С. 96; 1989. С. 7].

Азбуковник в своем жанровом развитии уже приобрел устоявшиеся границы, и вести речь об Азбуковнике как о четьем сборнике нужно с привлечением его окружения в рукописях. Тем важнее нахождение и истолкование тех текстов внутри самого Азбуковника, которые выходят за границы жанровых особенностей древнерусского словаря. Ряд произведений, постоянно сопровождающих Азбуковник и относящихся к так называемой «грамматической» линии, помогает на первоначальном этапе исследования отнести его к той или иной редакции [Юдин, 2010. С. 145]. Памятники, не встречавшиеся прежде в конвое словаря, отражают индивидуальные вкусы составителей сборников, однако объединение в один сборник произведений разных жанров можно объяснять, кроме литературных пристрастий составителя, и функциональной направленностью такого рода книги. Формально рукописи, содержащие Азбуковник, в окружении произведений, как постоянно сопровождающих словарь, так и появляющихся в его конвое впервые, можно отнести к энциклопедическим сборникам.

Окружение Азб-2 характерно относит его к грамматической традиции. Зачастую рукопись с этой разновидностью Азбуковника может состоять лишь из самого словаря, Предисловий к нему и нескольких произведений, чаще всего встречающихся в сборниках с этой разновидностью памятника («Сказание о письменах» черноризца Храбра, Предисловие Иоанна экзарха Болгарского к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина и др.). [Юдин, 2010. С. 142, 145].

В ходе предварительной работы с рукописями, содержащими Азб-2, на основании как внешних признаков (конвой, владельческие записи и т. п.), так и текстологических разработок нами выделяется группа списков, имеющих определенную общность окружения в рукописях, сходный состав буквенных и тематических разделов и толкований. К наиболее типичной для этой разновидности Азбуковника на данном этапе изучения относится рукопись из собрания МДА № 199³, входившая в состав библиотеки Симона Азарьина⁴. Эта редакция

Азб-2 представлена также рукописями из собрания академика М. Н. Тихомирова № 84 и 99 [Тихомиров, 1968] и рукописью из собрания НБ ТГУ Витр-758 [Юдин, 2010. С. 145].

При детальном сравнении МДА № 199 с томской рукописью Азбуковника (НБ ТГУ Витр-856⁵) обнаруживаются схожие состав и порядок словарных статей, а также выявляются принципиальные различия в составе буквенных и тематических разделов.

Рукопись Витр-856⁶ представляет собой сборник в 8° XVII в., написанный скорописью разных рук. Рукопись распадается на три литературные части⁷: «Сын церковный» (лл. 1–100)⁸, Азбуковник с Предисловием к нему (л. 103 – 272 об.) и «Вопросы и ответы Афанасия Александрийского князю Антиоху» (л. 282 – 379 об.). При этом два последних объемных сочинения, по нашему мнению, написаны одним почерком⁹, тем же писцом сделана приписка на последнем листе с «Сыном церковным». Таким обра-

⁵ Рукопись описана: [Ромодановская, 1971; Есипова, 2007].

⁶ Выражаю искреннюю признательность заведующей Отделом рукописей и книжных памятников НБ ТГУ Г. И. Колосовой и д-ру филол. наук В. А. Есиповой за содействие в работе с томскими рукописями.

⁷ Произведения отделены друг от друга чистыми листами, бумага этих блоков сборника различна: филигрань бумаги с «Сыном церковным»: «гербовый щит с лилией под короной» определяется В. А. Есиповой по аналогичной: *Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог.* / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М.: ГИМ, 1988, № 912. – 1653 г. (далее – Дианова, Костюхина, №) нами предлагается: Дианова, Костюхина, № 910.– 1647 г.; филиграни бумаги с текстом Азбуковника с Предисловием: «двуглавый орел» и «лотарингский крест» с литерами «СО» определяются нами как Дианова, Костюхина № 1025.–1639 г. и Дианова, Костюхина № 591–1645 г. соответственно. Бумага, содержащая последнее объемное произведение в сборнике, имеет водяной знак «щит с перевязью под короной» (по В. А. Есиповой – *Гераклитов А. А. Филиграни XVII века.* М.: Изд-во АН СССР, 1963, № 278–280 – 1647 г., однако филигрань значительно меньше, чем у Гераклитова, рисунок ее намного искуснее и вычурнее, чем в альбоме, так что можно говорить лишь о типе; нами точных соответствий в альбомах не найдено).

⁸ Здесь и далее цитаты приводятся по рукописи ОРК НБ ТГУ Витр-856. (ссылки на листы архивной фолиации в тексте настоящей статьи).

⁹ Исключая продолжение, не оконченное, Азбуковника, выполненное другой рукой и на другой бумаге (с филигранью «голова шута», не поддающейся идентификации).

³ Азбуковник, XVII в. (ОР РГБ, собрание Московской духовной академии (ф. 173. I), № 199. Далее – МДА 199).

⁴ О библиотеке Симона Азарьина см.: [Смирнова, 1992; Опарина, 1998. С. 193–212].

зом, переписчика Азбуковника можно считать составителем данного сборника.

В комплексе с текстом Алфавита, или Азбуковника (в рукописях принято различное наименование древнерусского словаря; в томском сборнике присутствуют оба названия, о чем говорится уже в Предисловии и в первой статье словника: «[А]льфавит гречески глаголем, словенски же Азбуковник», л. 110), как правило идут сочинения грамматического характера, что обусловлено направленностью словаря. В Витр-856 они отсутствуют. Словнику предшествует Предисловие, которое носит название «Предлогъ Альфавиту» (л. 103–110). Заголовок Предисловия помещен в виде колоннитула на листе, открывающем Азбуковник, над рукописной заставкой, имитирующей печатную. Список Азбуковника не завершен, он занимает л. 103 – 272 об. рукописи, словник обрывается на буквенном разделе «П». Раздел на букву «П» открывается на 264 листе, следующий лист начинается новую тетрадь, бумага которой отличается от бумаги предыдущих тетрадей, здесь происходит также резкая смена почерка и чернил, хотя толкование статьи продолжается. Для написания начальных букв статей и заголовков объемных, по сравнению со словарной статьей, сочинений, входящих в словарь, оставлено место, однако киноварные буквы вписаны лишь частично; инициалы, открывающие буквенные разделы, отсутствуют на всем протяжении томского Азбуковника.

К характеристике Предисловия к Азбуковнику скажем, что оно несколько расширено по сравнению с представленным в рукописях, содержащих Азб-2. Расширение это произошло за счет вставки примеров, не встречавшихся ранее в Предисловии. Так, при комментировании случаев смешения значений слов с близкими написаниями уже имеющееся в Предисловиях противопоставление «кедр» и «китр» (в значениях «кедр, дерево» и «лимонное дерево» соответственно), дополнено противопоставлением «финик» и «феникс». Такое дополнение со ссылкой на псалом с приведением цитаты («праведник яко финик процветет»; л. 105 об.)¹⁰, можно объяснить следствием

мнемонической отсылки книжника к 91 псалму. Слово «кедр» здесь получило объяснение, а «финик» – слово, имеющее в рукописях вариативное написание «финикс», – нет. Толкуя далее псалом, книжник поясняет: «Во дворех Бога нашего процветут, сиречь в печных жилищах, в них же благих уповани их процветут, и явлени в будущих временах будут, и уподобляет же ся Христу и всякий праведник». Буквально через две строки он вспоминает о «трех отроках в печи огненной». Упоминание о них связано с толкованием перевода 2-го стиха 8-й песни Канона Рождеству Христову: «Органы плачевнии уклонишася, *не видеша в любодеевших*». И дает более верный вариант перевода: «Органы плачевнии уклонишася, *не певаху в чужей земли*». Таким образом, Предисловие перестает быть простым набором примеров, руководство к Азбуковнику обретает внутреннюю логику повествования, где каждая объясняемая лексическая трудность может порождать новую.

Общим местом предисловий к разным типам Азбуковника является упоминание Максима Грека как зачинателя традиции составления подобного рода произведений¹¹. Обычно имя святогорца в Предисловии к Азбуковнику сопровождает эпитет «премудрый». В томском Азбуковнике в предуведомлении к словарю Максима называют «преизящным» и «премудрохитроносным» (л. 108). Примечательно, что слово «преизящный» в значении *превосходный, выдающийся, совершенный* употребляется в XVII в. в кругу деятелей книжной справы: в сочинении Ивана Наседки «Прения о вере» применительно к Дионисию Ареопагиту, в «Слове похвальном» Семена Шаховского, в печатном сборнике «Скрижаль», в работе над которым принимал участие Евфимий Чудовский [Словарь русского языка..., 1992. С. 238].

Некоторые ошибки редактора-переписчика словаря могут объяснить, что именно томская рукопись является краткой редакцией Азб-2, а не наоборот. Таким доказательством может служить оставленная глосса к статье, удаленной из окончательного

кедр, иже в Ливане умножится. Насаждени в дому Господни, во дворех Бога нашего процветут».

¹¹ Анализ Предисловия старшего Азбуковника и публикация его выполнены Л. С. Ковтун [Ковтун, 1975. С. 225–232; 1989. С. 136–140].

¹⁰ Ср.: Псалтирь. М., печ. В. Ф. Бурцов, 1640. Л. 137: «Праведник яко *финикс* процветет, яко же

текста томского варианта Азб-2¹². Ошибка книжника вполне объяснима. Не всегда при чтении текста словарной статьи можно отнести к ней определенную глоссу на полях, так как зачастую глоссы могут находиться достаточно близко друг к другу, образуя своеобразную колонку. Следует подчеркнуть эту особенность глосс при комментировании ими очень кратких словарных статей. При создании списка книжник, писавший томский вариант Азб-2, вынужден был часто останавливаться и сличать уже написанные глоссы с исходными данными. Пропущенные статьи он вносит тут же при сверке, а не в концах словарных разделов, как это обычно делалось (см.: [Ковтун, 1989. С. 38]).

В некоторых случаях такую работу книжника можно объяснить, обратившись к тексту Азбуковника Витр-856. Так, при переписывании раздела на букву «И» книжник ориентируется на тематические группы («Гради», «Имена монастырям» и т. п.) внутри блока словарных статей. В разделе «Имена камениям» книжник сверяет написанное, добавляя нужные ему, но выпущенные при переписке статьи. Обычно завершающими разделами словника являются «Имена месяцам» и «Имена человекам»¹³.

Предположительно, создатель томского Азбуковника, переписав уже большую часть статей на букву «И», и принял следующий раздел («Имена камениям») за один из завершающих, однако после толкований названий камней на букву «И» в Азб-2 следует около двадцати других статей, не входящих в определенные тематические группы. Остановившись на этом месте и произведя сверку, книжник, однако, не включает в свою редакцию Азбуковника тематическую группу «Имена камениям». Видимо, он посчитал излишним приводить ее в этом буквенном разделе, так как переделка сочинения Епифания Кипрского «Слово о двенадцати камыку» переписана им в следующем буквенном блоке «К». Таким подходом писца рукописи можно объяснить не только «чересполосицу» статей внутри тематических разделов, но и определить важность

тематических разделов и отдельных статей при включении в список Азб-2 (томский вариант). Кроме того, данный пример показывает, что, приступая к созданию нового списка, а по сути к иной редакции Азб-2, автор этого списка хорошо ориентируется во внутренней структуре словаря, что позволяет ему отказываться от дублирующих глосс. Однако в некоторых случаях в результате недосмотра писца одна статья может разрываться вставленной глоссой, отчего продолжение толкования теряет смысл. Так, в толкование статьи «Дионисия» вставлены: «Диполкъ, ослаблен, и вифеом безумия сего почитающа. Дисемилею, трескомой кланяемо и молния поклоняемо» (л. 142 об.; должно быть: «...и вой ослабевшей, и фивеомъ безумие сего почитающее, и Семелиею молния поклоняемо»¹⁴). Таким образом, из всех тематических разделов автор редакции Азбуковника последовательно выделяет лишь части, посвященные толкованию названий монастырей, городов и ономастике. При этом последний раздел приводится со всей возможной полнотой и с соблюдением порядка следования толкуемых имен друг за другом, исключения редки. Столь тщательное копирование в Азбуковнике тематического раздела, посвященного именам собственным, вполне объяснимо: эта часть Азбуковника является ономастикомом, составленным Максимом Греком, – «Толкованием именам по алфавиту» [Ковтун, 1975. С. 116–205].

Среди лексикографических и литературных источников словаря важное место занимают сочинения Максима Грека. Имя святогорца, освященное грамматической традицией, закономерно упоминается составителями Азбуковника уже в Предисловии к словнику. В Азбуковнике находятся не только отдельные слова, толкование которых взято из сочинений Максима Грека, порой авторы Азбуковника не ограничиваются словотолкованием, а приводят обширную цитату из Максима, словарная статья приобретает, таким образом, характер небольшого сочинения Максима Грека, при этом идет указание с помощью отсылок к источникам на полях, из какой главы собрания сочинений взят тот или иной отрывок.

Однако «Предисловие именам человеческим», предуведомление к ономастикону,

¹² Статья «Гифоменос, веселяся» удалена, однако ссылка на источник: «Макс[им Грек, Глава] 51» сохранена (Витр-856. Л. 137 об.). Ср.: МДА 199. Л. 103: «Гифоменос, веселяся» (на полях: Максим Грек, 51).

¹³ Названия разделов приводятся по рукописи МДА 199.

¹⁴ МДА 199. Л. 109 об.

автор томского списка удаляет, как нам представляется, намеренно. В отличие от Предисловия ко всему Азбуковнику оно не несет утилитарной нагрузки, не служит руководством к пользованию словарем личных имен. Такое отношение к тексту памятника может объяснять цель создания новой редакции словаря, – получение справочного пособия, необходимого в повседневной книжной работе. Это подтверждает и повсеместное удаление при создании новой редакции других объемных частей Азбуковника.

Несмотря на то что наиболее древние тексты, согласно средневековому мировоззрению, имеют более весомый авторитет, создатель томского списка последовательно удаляет из словника разделы, заимствованные из греческо-русского словаря-разговорника середины XV в. «Речь тонкословия греческого» [Никольский, 1896; Vasmer, 1922; Ковтун, 1963. С. 326–383]. В Азбуковнике вставки из этого произведения обычно отмечаются на полях по всей длине столбца со статьями словом «гречески». Следует оговориться, что удаление этих статей не всегда осуществляется полностью. Как правило, в томскую рукопись попадают статьи, начинающие вставку из «Речи тонкословия» и не охваченные указанием на полях. Если статьи напрямую не связаны с разговорной речью, а посвящены толкованию некоторых понятий, тематически близких к толкуемым ранее, они также попадают в Азб-2 томского варианта. «Речь тонкословия греческого» близка к Азбуковнику на уровне структуры: здесь уже есть, хоть и для небольшого пласта лексики, разбиение статей на тематические группы (О стадах, Рыбы, О зверех и др.). Статьям из этих тематических разделов составитель также дает право находиться в рукописи.

Избавление словника Азбуковника от разговорных греческих фраз, посвященных реальным языковым ситуациям (торговля, морское плавание, пребывание в монастыре и т. д.), может еще раз подтвердить цель создания новой редакции произведения – создание книжного словаря, необходимого в литературной работе, а не в живой речи. В оппозиции греческий язык (язык современной книжнику эпохи) – еллинский язык (древнегреческий) предпочтение отдается последнему. В списках Азбуковника слова, относящиеся к тому и другому маркирова-

ны. Указание на то, к какому языку относится толкуемое слово, обычно приводится над ним в виде начальной буквы, написанной киноварью (например, «а» – из арабского языка). Объяснение этих указующих отметок приводится в Предисловии к словарю. Предисловие Витр-856 содержит такое объяснение, тем не менее указания на язык толкуемого слова в нем не приводятся, что объясняется, по-видимому, незаконченностью работы книжника.

В томской рукописи, как уже понятно, порядок статей изменен в соответствии с принципами работы составителя данного Азбуковника. Однако не только изменяется порядок статей и удаляются глоссы, посвященные речевым оборотам, в словник вносятся и иные материалы. Так, место статьи, посвященной толкованию термина «акростихида», занимает объемная вставка из текстов, не присущих Азб-2 и не встречавшихся нам ранее в других разновидностях памятника.

Начинают вставку отдельные главы из «Вопросов и ответов Афанасия, архиепископа Александрийского к князю Антиоху». Произведение неразрывно связано с христианской экзегетической традицией. Вопросы и ответы частью «посвящены объяснению различных мест Св. Писания... другие заняты решением более общих вопросов христианского вероучения или вообще человеческого мировоззрения» [Архангельский, 1889. С. 9]. В томской рукописи последовательно идут пять вопросов-ответов произведения (№ 74, 75, 78, 19, 20¹⁵). Уже А. С. Архангельский обращает внимание на две редакции переводного памятника, выделяя еще и Особую, представленную в Изборнике 1076 г. Язык вопросов-ответных глав в томской рукописи заметно отличается от того, что находится в сборнике «Скрижаль»¹⁶, по нашим наблюдениям, он близок к языку текста, представленного в Изборнике 1076 г. Стоит отметить также, что в рукописи Витр-856 вслед за Азбуковником и

¹⁵ В разных рукописях порядок вопросов-ответов варьируется, мы приводим их нумерацию по А. С. Архангельскому, который опирается на греческий подлинник, представленный в издании: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. P., 1857. T. 28. Col. 598–700.*

¹⁶ *Скрижаль. М.: Печатный двор, 1656. С. 1–232 (отдельная пагинация).*

идет тот перевод этого произведения, что есть и в «Скрижали» (л. 282 – 379 об.).

На л. 173 – 206 об. в Витр-856 находится Толковый перевод Песни песней царя Соломона. Текст Песни песней разделен на отрывки (перикопы), которые сопровождаются толкованиями Филона Карпафийского, епископа римского Ипполита и Григория Нисского. Произведение относится к жанру катен, которые представляют собой сборники толкований, «составленные из экзегетических сочинений разных авторов, посвященных одной и той же библейской книге» [Алексеев, 2002. С. 51].

Текст Толковой Песни песней в томской рукописи не полон, он обрывается на толковании Ипполита к стиху 3.4 (ср.: [Алексеев, 2002. С. 87]). Заключительный пассаж в рукописи: «Тою виною вопиет: обретох и не пушу его. О, блаженных жен держаще за нозе...». Песнь песней в составе Азбуковника оканчивается на середине предложения, окончание его, – «...да на аер не възлетит». Книжником переписано чуть меньше половины Толковой Песни песней, последнее в рукописи толкование не закончено, оно чуть ли не первое столь объемное, встретившееся писцу. Стоит отметить, что следующее за Песнью песней произведение в рукописи хоть и начинается с другого листа, но органично соседствует с предыдущим, так как этот лист входит последним в тринадцатую тетрадь¹⁷. Оно написано тем же почерком, что и Толковая Песнь песней. Редакция перевода Толковой Песни песней в томской рукописи близка к той, что относится А. А. Алексеевым к Чудовской группе [Алексеев, 2002. С. 40–122]. Толкования стихов 1.1, 1.3 существенно сокращены. Для стихов 1.1, 1.3 («Яко блага сосца твоя паче вина») оставлено лишь толкование Ипполита, для 1.5 («Не зрите мене...») – Филона.

Помещение вслед за Толковой Песнью песней в древнерусских сборниках «Сна царя Иоаса» можно объяснить некоторой схожестью художественных средств в описании персонажей. Эта схожесть отмечена В. Н. Мочульским [1897. С. 100]. Исследователь привлекал текст произведения, открывающий знаменитый Изборник XIII в. (РНБ, Q.п.1.18 (Толстовский сборник толко-

ваний XIII в.)¹⁸. В. Н. Мочульским отмечается компилятивный характер данного сочинения, главная цель создания которого, по мнению исследователя, – в аллегорической форме представить отношения ветхозаветной и новозаветной церковью [Мочульский, 1897. С. 101]. С мнением Мочульского о компилятивности произведения (вернее второй, толковой его части) не соглашается В. М. Истрин, подвергнувший труд Мочульского критическому разбору [Истрин, 1898. С. 300–308].

В. М. Истрин доказывает связь памятника с византийской толковой литературой; на основе наблюдений над языком произведения ученый говорит о русской редакции перевода с греческого, восходящей, возможно, «к болгарскому или сербскому оригиналу» [1898. С. 303]. Не принимает Истрин уже и первое положение статьи Мочульского об отнесении Изборника XIII в., первым произведением которого и является «Сон Иоаса», «к разряду так называемых «Каафов»» [Мочульский, 1897. С. 99]. Дело в том, что литературная история «Книги Кааф» изучается Истриным в ее отношении к Толковой Палее [Истрин, 1897; 1899].

Мочульский понимает под «Каафами» не одни лишь толкования на Пятикнижие Моисея, но почти все вопросо-ответные древнерусские произведения в сборниках того времени [1893. С. 113–173]. А по мнению Истрина, «Кааф» хотя и связан с произведениями из Изборника XIII в., но имеет определенный состав. Связь же этого произведения с лексикографией и с Изборником XIII в. выявлена Мочульским уже на уровне названия, так как само слово «Кааф» с толкованием «собрание» встречается в словаре «О именах, глаголемых жидовьским языком, сказано», также входящим в состав Изборника XIII в. [Мочульский, 1893. С. 134; Wątróbska, 1987. С. 170]. В сборнике ОР РНБ, Q.п.1.18 (Изборнике XIII в.) находится и другой словарь раннего периода русской лексикографии: «А се имена жидовьская, русьскы толкована» [Wątróbska, 1987. С. 43–44]. Следовательно, такого рода сборник может служить к объяснению не только лингвистических трудностей языка Библии, но и образной системы Священного писания, и представляет особую важность, как

¹⁷ Все тетради, содержащие Алфавит, имеют сигнатурное обозначение кириллическими буквами-цифрами; следующая тетрадь – четырнадцатая.

¹⁸ О сборнике см.: [Турилов, 2009. С. 540–541]. Полное издание сборника: [Wątróbska, 1987].

говорилося выше, для среды литературных деятелей, которые были заняты книжной справой.

Завершают вставку в томский Азбуковник избранные слова Григория Феолога. Впервые опубликованные Н. К. Никольским в научном исследовании, посвященном литературной деятельности Климента Смолятича [Никольский, 1892. С. 161–199], «Словеса избранные» приписываются ученым перу именно этого писателя и церковного иерарха XII в.

Однако литературная история памятника довольно сложна, и присутствие общих пассажей в тексте «Словес избранных» и в знаменитом «Послании пресвитеру Фоме» митрополита Климента Смолятича не может прямо указывать на авторство последнего. Как известно, «Сон царя Иоаса» открывает Изборник XIII в. Фрагменты «Словес избранных» также находятся в этом сборнике, относящемся к толковой традиции. На современном этапе научного изучения памятника принято считать, что «в основу Изборника XIII в. и “Словес избранных” положены два общих источника: Книга толкований (на 16 Слов Григория Богослова. – А. Ю.) Никиты Ираклийского и Послание Климента Смолятича» [Понырко, 1992. С. 114].

Кроме того, высказывается мнение о существовании особого сборника или архива, в котором авторы Изборника XIII в. либо «Словес избранных» могли найти толкования Никиты Ираклийского и Послание Климента Смолятича [Там же]. В рукописи Витр-856 содержится лишь фрагмент произведения: три первых вопроса-ответа и № 26 и 30 (по Н. К. Никольскому). Некоторые слова и выражения явно не понимались переписчиком текста. Так, слово «диктатор» во втором вопросе-ответе последовательно заменяется на «диктор», образуя странное выражение «диктор ума», вопрос о пиявицесластолюбии так и остается без ответа, следом идет другое вопросительное предложение. Вследствие этих особенностей произведения с довольно сложной для понимания образной структурой становится совсем необъяснимым.

На несомненную связь с кругом справщиков указывает и помещение в начале сборника Витр-856 произведения, приписываемого Ивану Наседке «Сын церковный». Недостаточная изученность этого сочинения не позволяет нам говорить о нем более подробно. Однако уже сейчас можно сказать, что сборник Витр-856, – который содержит

1) сочинение, известное под названием «Сын церковный», и особо популярное в среде справщиков; 2) новый перевод «Вопросов и ответов Афанасия ко Антиоху», осуществленный, по мнению Исаченко-Лисовой, при участии Евфимия Чудовского, справщика второй половины XVII в. [Исаченко-Лисовая, 1989. С. 195]; 3) имеет в своем составе Азбуковник, словарь, необходимый для работы литературного редактора средневековья, – может считаться особым видом энциклопедического четъего сборника XVII в.

Таким образом, мы рассматриваем рукопись Витр-856 как четий сборник, продолжающий своего рода традицию вопросо-ответной литературы, призванный служить определенным подспорьем в деятельности справщика, т. е. не столько нужный для чтения на досуге, сколько необходимый «в качестве справочно-практического пособия» [Дмитриева, 1972. С. 174]. Список Азбуковника Витр-856 на первый взгляд относится ко Второй разновидности, наиболее репрезентативна в которой рукопись РГБ, МДА № 199, однако особая редакция Предисловия, обширная вставка Толковой Песни песней с сопровождающими ее сочинениями, выбор редактором определенных статей словника, относящихся к книжной лексике позволяют выделить этот список Второй разновидности памятника в особую редакцию.

Список литературы

Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002.

Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Исследование, тексты и комментарии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968.

Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений: В 2 т. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. Т. 1.

Дмитриева Р. П. Четьи сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 150–180.

Есипова В. А. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского государственного университета. Каталог. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 1: XV–XVII вв. С. 230–232.

Исаченко-Лисовая Т. А. О переводческой деятельности Евфимия Чудовского // Хри-

стианство и церковь в России феодального периода (материалы) / Под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 194 – 210.

Истрин В. М. Замечания о составе Толковой Палеи. 6. Книга Кааф // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. СПб.: Тип. Имп. АН, 1899. Т. 65. Кн. 6. С. 35–95.

Истрин В. М. Замечания о составе Толковой Палеи. 6. Книга Кааф // Изв. Отд-ния русского языка и словесности Имп. АН. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. Т. 2, кн. 4. С. 845–905.

Истрин В. М. К вопросу о «Сне царя Иоаса» // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1898. Ч. 315, февр. С. 300–308.

Карпов А. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1878.

Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. / Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.

Ковтун Л. С. Словари XV, XVI вв. в Верхнепечорском сборнике конца XVIII в. (О текстологической ценности поздних списков) // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. Вып. 2. С. 92–100.

Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность) / Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989.

Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса: Тип. Шт. войск Одесского военного округа, 1893.

Мочульский В. Н. Сон царя Иоаса // Русский филологический вестник. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1897. Т. 37, № 1–2. С. 97–113.

Никольский Н. К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб.: Тип. Имп. АН, 1892.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI в. / Изд. ОЛДП. Серия: Памятники древней письменности. СПб.: Тип. Имп. АН, 1896. Вып. 114.

Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998.

Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования. Тексты. Переводы / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992.

Ромодановская Е. К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 345;

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18: Потка – Преначальный.

Смирнова Е. И. Сборники с автографами Симона Азарьина (к проблеме атрибуции его сочинений) // Русская книга в дореволюционной Сибири. Рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск, 1992. С. 134–155.

Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968.

Турилов А. А. Изборник XIII в. // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 21. С. 540–541.

Юдин А. А. Сибирские списки Азбуковника (к проблеме текстологии) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 2: Филология. С. 141–145.

Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gespraechbuch. Beitrage zur Erforschung der aelteren russischen Lexikographie. Leipzig: Kommission bei Markert und Petters, 1922.

Wątróbska H. The Izbornik of the XIII cent. (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18). Nijmegen, 1987. (Полата књигописњая; 19/20).

Материал поступил в редколлегию 22.11.2010

A. A. Yudin

AZBUKOVNIK AS A «CHETYI SBORNIK»: A PROBLEM OF GENRE

The article analyzes the formation of the encyclopedic-type miscellany, on the basis of a special version of Azbukovnik and other works united by explanatory tradition in the 17th century manuscript (from the Tomsk State University's Scientific Library).

Keywords: Azbukovnik, redaction, composition of «question-answer» form, «chetyi sbornik» of encyclopedic type.